

В Я Ч Е С Л А В

ТРАВИТА

КРЫСА

ШАЛЫГИН



ВОСХОД
ВОДОЛЕЯ

ЭКСМО

Вячеслав Шалыгин

Восход Водолея

«ЭКСМО»

Шалыгин В. В.

Восход Водолея / В. В. Шалыгин — «ЭКСМО»,

ISBN 5-699-04702-6

ISBN 5-699-04702-6

© Шалыгин В. В.

© ЭКСМО

Содержание

	5
1	7
2	13
3	22
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Вячеслав Шалыгин

Восход Водолея

«Максимально секретно!»

Код 000

Куратору проекта «Водолей» Кабанову С.И.

Согласовано.

Начальник Специального Агентурного Управления, главный координатор Кравцов Б. М.

Тема: Система «Водолей», выдержки из экспертного заключения.

Страница 2:

...Таким образом, секретный научный проект под условным названием «Водолей» (Система) призван обеспечить наиболее эффективное взаимодействие человека и существующих глобальных сетей: компьютерной, мобильной и спутниковой связи, проводной телефонной, а также радиосвязи во всех диапазонах, включая военные и специальные, что является по сути первым шагом к созданию киберпространства в более широком смысле, чем это было принято понимать на рубеже веков. Киберпространство Системы будет окружать человека повсюду и будет подчиняться его мысленным командам...

Страница 3:

...Глобальное киберпространство, основой которого станет «Водолей», – это «всемирная паутина», умноженная на возможности прочих мировых технологических сетей и возведенная в степень человеческой способности к абстрактному мышлению...

...Новейшие достижения в области оптимизации управления Системой позволяют обходиться небольшим штатом операторов, техников и координаторов, что значительно снижает затраты и способствует сохранению секретности проекта. Все эти новейшие технологии проходят испытания непосредственно внутри самой Системы. Благодаря новым биоуправляемым чипам, разработанным в лабораториях Города-на-дне, передача команд операторов главному процессору «Водолея» уже происходит на уровне мысленного контакта, что, несомненно, повышает надежность и быстрдействие Системы, а также позволяет накапливать опыт для последующего применения управленческих моделей в будущем глобальном киберпространстве...

Страница 5:

...При всех перечисленных положительных моментах введение «Водолея» в строй может создать определенные трудности. Грандиозные перспективы и предполагаемая разработчиками роль Системы в решении научных, хозяйственных, а также специальных задач могут остаться лишь проектными заданиями, если научному коллективу и ответственному за проект Специальному Агентурному Управлению не будут переданы особые полномочия...

Страница 7:

...Кроме объективных технических, кадровых, а также организационных трудностей существуют и теоретические научные риски. Некоторые разработчики высказывают опасения, что в такой развернутой и многофункциональной сети, как Система, дальнейшее совершенствование биоуправления и создание обратной связи между процессором и оператором (см. стр. 3) приведет к возникновению нежелательных побочных эффектов. Конкретно это может выражаться в отрицательном воздействии псевдомыслительных импульсов «Водолея» на психику операторов: от возникновения приступов немотивированной агрессивности до полного подчинения оператора обратным командам Системы. Большая часть ученых считает такие опасения малообоснованными, но имеющими право на существование...

Страница 8:

...Последним в перечне и наименее достоверным риском является замеченная отделом мониторинга неустойчивость погоды, сейсмическая напряженность и активизация естественных природных аномалий в зонах, уже охваченных Системой. По наблюдениям сотрудников отдела, наибольший процент труднообъяснимых природных феноменов наблюдается вблизи главных ретрансляционных узлов «Водолея» и региональных энергетических станций. Пока никакой убедительной версии, объясняющей возникновение нестандартных ситуаций вокруг периферийных узлов Системы, у сотрудников отдела нет...»

– К сожалению, это все, что нам удалось добыть, – Дмитрий спрятал листки компьютерной распечатки в карман, – но даже этого достаточно, чтобы понять, насколько серьезная опасность нависла над страной!

– Да? – его собеседник снял и медленно протер очки в старомодной оправе. – Я пока не вижу ничего страшного. Очередной этап в развитии технической цивилизации. Была глобальная сеть, теперь она станет «сетью сетей», да еще и людей в себя включит. Образуется окончательный симбиоз человека и машины. Система будет нервами, спинным мозгом и основным субстратом головного мозга, а человечество – его серым веществом. Разве вы не к этому стремились?

Он снова надел очки и внимательно взглянул на Диму. Тот упрямо поджал губы и покачал головой.

– Нет. Так человек себя погубит. Он окончательно разорвет связи с природой и погибнет среди электромагнитных полей и всяческих сетей.

– Возможно, да, возможно, нет, – собеседник пригладил седые волосы. – Но чего вы хотите от меня?

– Помощи, – Дмитрий опустил взгляд. – Я признаю, мы были не правы, отстраняя вас от работы, и теперь пришла пора в этом раскаяться.

– Неужели все настолько скверно? – удивился седой. – Но чем же я сумею вам помочь? Я всего лишь наблюдаю. Управлять высшими силами или как-то влиять на события я не могу.

– Я понимаю. И все равно прошу помочь. Ситуация складывается таким образом, что мы вынуждены использовать любые возможности, чтобы как-то изменить ход событий. Если не прямо, то хотя бы косвенно: вы неспособны повлиять на высшие силы, но, возможно, к вам прислушаются втянутые в авантюру люди?

– Признаюсь, Дима, вы меня заинтриговали, – внешне собеседник оставался спокойным, но в его глазах зажглись искры неподдельного интереса. – Один вопрос: как вы сообразили, что следует обратиться именно ко мне? Разве у Конторы мало других консультантов?

– Я вспомнил ваши стихи, – признался Дмитрий. – Первая строка там начинается со слов «Туман строптив...», так?

– Почти, – пожилой улыбнулся.

– Когда начались наши неприятности, тоже был туман...

1

ЗА ГОД ДО ОСНОВНЫХ СОБЫТИЙ. ТУМАН

Верхушки деревьев подобострастно кланялись, теряя листву и мелкие ветви. Ветер от лопастей ввинчивался между ними, поднимая с земли прелые ошметки прошлогоднего листопада.

– Ниже!

Борис, проверяя, подергал страховочный ремень и встал на дугу-подножку. Вертолет был отечественным и совсем новым, но очень уж напоминал устаревшую заокеанскую машину с дугами вместо шасси. Пилоты даже называли ее на буржуйский манер – «чарлик». Зачем было передирать конструкцию? Своих, что ли, мало?

– Брюхо пропорем! – крикнул пилот.

– Ниже, тебе говорят! – Борис указал большим пальцем вниз.

Жест можно было понять двояко. Как приказ и как угрозу.

Верхушки тряслись, словно припадочные, и уже совсем близко, в каком-то метре. Борис подрегулировал яркость прибора ночного видения.

– Вот они! – он махнул пилоту, указывая направление. – Садись!

Вертолет чуть дернулся и, наклонившись, словно упрямый бычок, пошел вперед, едва не цепляясь за деревья. Борис снял «винторез» с предохранителя и упер приклад в плечо. Еще немного – и машина беглецов покажется из-под разлапистых ветвей вон тех елей, слегка разбавивших лиственный лес.

Есть. Обычный «уазик-санитарка». В меру «убитый» и на лесной дороге уместный до полной гармонии. На чем еще ездить по грибы да по ягоды, как не на такой технике? Не ночью, конечно, но в остальном все сделано грамотно. Еще немного... Борис поймал в прицел силуэт водителя.

«Уазик» резко свернул с просеки и заковылял по буграм в сторону голых лесин. Услышали, наверное, гады. Но это их не спасет. Там впереди болото. Сами себя загнали. Теперь не уйдут.

По днищу винтокрылой машины проскрежетала верхушка ели. Борис забрался обратно в салон и положил винтовку на колени.

– Садись, где сумеешь!

Пилот кивнул. Вертолет пошел вправо, описал полукруг и начал снижаться. «Уазик» надрывно гудел и чавкал всеми четырьмя колесами по грязи меж болотных кочек примерно в полукилометре к югу.

До земли оставалось метра два, а Борис уже спрыгнул с борта. Следом за ним вертушку покинули еще трое. Двое экипированных, как заправские спецназовцы, мужчин и одна женщина в спортивном костюме.

– Ждем остальных! – приказал Борис.

Его спутники взяли женщину под руки и оттащили к окраине темного леса. Борис остался рядом с «чарликом». Когда лопасти машины угмонились, Борис раскрыл пульт, внешне – один в один недорогой ноутбук, и набрал код базы.

– На связи, – в экране появилось изображение координатора. – Пятый оператор готов.

– Почему пятый? – сурово спросил Борис. – Разве это его район?

– Четвертого пришлось временно отстранить.

– Опять крыша сдвинулась?

– Самую малость, – координатор усмехнулся. – Сами понимаете, такая напряженная работа... Но эскулапы обещают восстановить. Говорят, еще послужит.

– Последняя поблажка, – Борис покачал головой. – Еще раз взбрыкнет, вернем, где взяли.
– Да он на самом деле прихворнул, не прикидывается.
– Что это ты его защищаешь? Подружился?
– Никак нет!
– То-то. Где группа прикрытия?
– На подлете...
– А-а, вижу... – Борис проследил взглядом за двумя садящимися поблизости вертолетами. – Начинаем в четыре тридцать. На рассвете все кошки серы... Подтвердить прием.
– Начало в четыре тридцать!
Борис закрыл пульт и махнул рукой высадившимся из прилетевших машин людям.
– Сюда, подтанцовка!

Он отсоединил прибор от бортовой сети и сложил в кожаный кейс с длинным ремнем. Повесив поклажу за спину, он положил «винторез» на сгиб локтя и неторопливо направился в лес. Туда, где несколькими минутами раньше скрылись двое мужчин и женщина.

– Борис Михалыч, – его догнал один из участников «подтанцовки», – сверху мы видели грибников или туристов... там, в километре отсюда. Две палатки. Может, их тоже... подключить?

– Ты задание читал? – не глядя на помощника, бросил Борис. – Пока отрабатываем одиночку. Да и свободных операторов нет.

– А если не справится? Объектов же пятеро, а она одна.

– Тогда мы поможем, – Борис искоса взглянул на семяющего рядом товарища и вдруг резко направил ему в лицо луч фонарика. – Ивлев, ты сегодня брился?

– Я? – Ивлев провел ладонью по щеке. – Да, утром. Просто получается – скоро сутки пройдут...

– Будешь снимать кино, – Борис остановился.

– Есть, – помощник остановился рядом.

Назначения на самый опасный участок он явно не ожидал и теперь выглядел немного растерянным. Борис вручил ему видеокамеру и хлопнул по плечу.

– Иди, иди. Буер к беглецам уже, наверное, вплотную подкрался. Только тебя там и не хватает. Вперед, дармоед!

Борис говорил с издевкой, но понимать его следовало буквально. Кроме спорной небритости, Ивлев не провинился ни в чем и такого отношения к себе не заслужил, но у Бориса о дисциплине, а также методах воспитания личного состава имелось особое мнение. «Право командира», как он сам это называл, в его понимании было главнее устава. Тем более в специфических условиях, например, при проведении тайных операций. «Доставать» подчиненных, придирается по мелочам и обращаться с ними, как с быдлом, он считал не только правильным, но и необходимым. Спецотряду Службы Системной Безопасности достался не самый душевный начальник, но выбирать подчиненным не приходилось.

Ивлев припустил по мягкой лиственной подстилке и очень скоро догнал первую группу. К беглецам она еще не подобралась, но отчаянные завывания «уазика» были слышны отчетливо. Четверых «системщиков» от машины отделяли тридцать-сорок шагов по редколесью.

Ивлев присел рядом со старшим группы – невысоким, жилистым бойцом по кличке Буер.

– Вон там, видишь? – Буер указал на расплывчатый в сумерках силуэт «санитарки». – Сели на пузо. Теперь им никакие «мосты» не помогут. Хоть два, хоть восемь. Была бы лебедка, как у «Лендровера», может, и выползли бы... А так... кранты. Только пехом.

– Сдались бы сразу, я б их даже пожалел, – заметил второй боец группы, зябко передергивая плечами. – Колотун под утро, как будто осень...

– Август. – Ивлев привстал, глядя в сумрак: – Толкают...

– Да бесполезно это, – Буер коротко махнул рукой. – Дохлый номер. Бежать им надо, а не с «бобиком» бодаться...

– Никакого чутья на опасность, – усмехнулся второй боец. – Любители. Им надо было еще там, на трассе, спокойно лечь мордами в асфальт – и все дела...

– Ну, ты-то у нас профи... – Буер расплылся в ухмылке.

Его напарник хотел что-то ответить, но Буер вдруг подал знак замолчать и прижал указательным пальцем мочку уха. Спустя пару секунд, буркнув «есть», он отнял палец и кивнул на безучастную ко всему происходящему женщину.

– Пора выпускать нашу куклу. Ивлев, камера готова?

– Сейчас, – спохватился Ивлев.

Он достал из кармана «разгрузки» видеокамеру и установил нужный режим.

– Прожектор бы, – пробормотал второй боец. – Темно, как в яме, да еще туман собирается.

Туман действительно быстро расползлся между деревьями, но не легкой дымкой, а густыми клубами. В некоторых местах он слоился, как табачный дым в запертном помещении, а в некоторых принимал разные, почти правильные формы вроде невысоких цилиндров и конусов. А еще казалось, что он будто живой тянется к людям. Никто на этот странный факт особо не реагировал, но, например, у Ивлева возникло ощущение нереальности окружающего мира.

– Ничего. Что получится, то и ладно. – Буер снял с плеча короткий автомат с удлиненным магазином и вручил женщине: – Сорок патронов. По восемь на каждого. А это на всякий случай...

Он застегнул на ее пояс ремень с ножнами. Клинок в них был женщине явно не по руке – настоящий мясницкий тесак, но Буер почему-то решил, что в случае необходимости она справится. Ивлев сначала удивился, но после вспомнил, как снаряжали на прошлое задание двоих агентов-мужчин. Вот так же дали им по автомату, правда, с двойными магазинами, а после – одному положили в карман тяжелый шипастый кастет, а другому сунули за пояс обычную заточенную отвертку. Отстрелялись тогда ребятаки неважно, зато «подручными средствами» выполнили задание на все сто. Страховал этих агентов не Ивлев, но что осталось от двенадцати хорошо вооруженных бандитов после того, как их – в родных горах – обработали два столичных студента, один с кастетом, другой с отверткой, он хорошо представлял. Недаром четвертый оператор до сих пор не мог прийти в себя. Ведь он-то участвовал в деле не так, как группа подстраховки. Не сидел в кустах, ожидая развязки, и даже не снимал действия агентов на видео. Ему досталось гораздо больше, сильнее и глубже...

– Мотор, – Ивлев включил камеру и направил ее на очертания «уазика», вокруг которого суетились четыре тени. Пятая склонилась над баранкой.

– Заложник в салоне. Мужчина около сорока, руки скованы, – закончил инструктаж Буер. – Пошла!

Женщина сняла автомат с предохранителя, придерживая рычажок затворной рамы, мягко, почти бесшумно дослала патрон и растворилась в туманном сумраке. Ивлев видел, как мелькнула она среди ближайших деревьев, и вдруг ее силуэт вынырнул уже непосредственно рядом с машиной.

Три длинные очереди – и стальной дятел выдолбил из-под жестяной коры «санитарки» троих «червячков». Водитель обнял баранку, навалившись на клаксон, и по утреннему лесу разнесся громкий вой придавленной кошки. Двое других убитых соскользнули в канавы, открытые колесами застрявшего вездехода, и распластались там с вытянутыми вперед руками. Словно пытались дотянуться до заднего бампера «уазика». Двое уцелевших бросились бежать. Один вдруг споткнулся, выгнулся назад дугой и рухнул в болотную жижу. Силуэт женщины на пару секунд задержался рядом с упавшим. Она присела, выдернула из его спины нож, а затем снова вонзила клинок в тело поверженного противника. А потом еще и еще... Ее рука мель-

кала с немислимой скоростью, а брызги крови шлепали по стволам деревьев, лужам и лицу женщины громко и отчетливо. Чем-то эти звуки напоминали щелчки, которые издает поджаренный попкорн... За все время этой кошмарной сцены на лице женщины не дрогнул ни один мускул.

Ивлев невольно задержал дыхание, его замутило. Наконец женщина сунула нож за пояс, рукавом размазала по равнодушному лицу капли чужой крови и бросилась догонять последнего из беглецов. Он ломился сквозь кусты, как раненый олень, и вычислить его было несложно даже в маскирующем предрассветном полумраке.

Ивлеву пришлось сменить позицию, перебежав вперед и влево метров на пятьдесят. Участка, где разыгрался финальный эпизод, с прежнего места видно не было из-за деревьев и клубящегося тумана, который незаметно стал каким-то «крупнозернистым», словно его мельчайшие капельки, не лишаясь способности парить в воздухе, увеличились в сотни раз. А еще «заземленные облака» образовали новую композицию: по всей клубящейся над болотом пелене и между деревьями колыхались невысокие спиралевидные столбы. Очередная причуда просыпающейся природы снизила видимость и вовсе до минимума. Ивлев снова перебежал от дерева к дереву и очутился буквально в десяти шагах от сломанных кустов.

Пока Ивлев маневрировал, женщина догнала беглеца и сбила его с ног ударом приклада в затылок. Мужчина рухнул между кочек и не шевелился, но исполнительнице этого показалось мало. Она уселась на беглеца верхом, откинула его голову назад и вынула тесак. В животе у Ивлева похолодело. Рука с видеокамерой задрожала, хотелось зажмуриться и бросить все к чертовой матери, но он заставил себя не только держать камеру направленной на место расправы, но и смотреть.

Смотреть, как методично движется лезвие, как дергается в конвульсиях тело, как куда-то вперед, между кочек, хлещут две упругие струи, как резко они иссякают... Как небрежно выпускает из рук почти отделенную от тела голову беглеца эта эмоциональная, словно столб, молодая блондинка. Как встает и, сохраняя неподвижную маску на лице, удовлетворенно потягивается. Будто после просмотра приятного фильма...

Нервы у Ивлева все-таки не выдержали, но случилось это почти вовремя. Дольше задерживаться у места убийства было незачем. Полагалось еще заснять оба тела вблизи, но оператор решил, что все было видно и так. Он отошел к «уазу» и присоединился к основной группе, которая вытаскивала из машины заложника. Забота о женщине-агенте лежала на Буере. А Ивлева это больше не касалось... слава богу.

Он снял процесс освобождения, взял крупный план лица мужчины, распахнутые задние дверцы, салон машины, номера, содержимое деревянного ящика под лавкой: два автомата, магазины и патроны в пачках.

– Я ж говорю, любители, – в кадре появилась физиономия буеровского напарника. – Пошли толкать, а пушки здесь оставили. Фраера.

– Не мешай, – оператор оттеснил его к боковой двери.

– Ивлев, все заснял? – крикнул снаружи Борис. – Контрольные кадры сделал?

– Не успел еще... я сейчас, – Ивлев выпрыгнул из машины и заставил себя навести объектив на тела двоих убитых, лежащих позади «санитарки» в позах ныряльщиков.

Уже почти рассвело, и даже без цифровой обработки было видно, какие раны нанесла этим несчастным странная женщина. Вместо спин у «ныряльщиков» было сплошное месиво. Каждому досталось не меньше чем по десятку пуль, да еще в упор. До ноздрей оператора доносился отчетливый запах крови. Ивлев почувствовал, что его вполне может стошнить. На виду у товарищей. И это было недопустимо. Становиться объектом насмешек он не собирался.

Сделав пару шагов назад, Ивлев несколько раз глубоко вдохнул. Тошнота отступила. Для комплекта требовалось заснять шофера. Вернее, то, что от него осталось. Оператор обошел «уазик» слева и остановился напротив водительской дверцы. Последние двадцать патронов

женщина-исполнитель выпустила в голову шоферу. Зачем и почему – вопрос отдельный, но факт можно было считать установленным без всякой экспертизы. Там, где у людей обычно расположена голова, у этого шофера было нечто бесформенное и втрое меньше, а стенки и остатки стекол кабины покрывал слой кровавой каши.

– Всадник без башни, – резюмировал неутомимый напарник Буера.

– Ты читаешь книги? – Ивлев перевел объектив на бойца.

– Только устав! – приняв пародию на строевую стойку, отрапортовал воин.

– Отставить кривляние перед казенной камерой, – строго отчеканил Буер, проходя мимо под ручку с вновь безучастной ко всему женщиной. – Лучше столкни водилу с баранки. Уши закладывает.

Напарник Буера залез в кабину и высвободил кнопку орущего клаксона из-под водительских останков. Оператор в это время проводил Буера и женщину объективом, удерживая крупный план. Лицо агентки было расписано кровью, словно маскировочными полосами. Костюм и руки тоже сплошь в крови. И это никак не вязалось с той внешностью, что угадывалась под маскировкой из бурых пятен. Стянутые на затылке в хвост белокурые волосы, глаза какие-то безжизненные, словно из голубого хрусталя, но красивые, губы бледные и все равно волнующие... Шла она медленно и плавно, будто по воскресному проспекту, а не по лесу, в котором окровавленным убийцам лучше бы не задерживаться, однако Буер ее не торопил. Парочка прошла между двумя столбами тумана, и они неправдоподобно быстро растаяли. Ивлев заинтересованно оглянулся. Лес и видимая часть болота были абсолютно чистыми, без малейшей дымки. Словно минуту назад здесь и не было никаких причудливых серых клубов и слоистых пластов тумана.

– Стоп мотор, – прозвучало над ухом у Ивлева. – Снято.

Оператор выключил камеру и молча отдал ее Борису.

В этот момент Буер и женщина поравнялись с освобожденным заложником, и тот устался на спасительницу с неподдельным изумлением. Возможно, то, что именно она освободила его из плена, мужчина осознал только сейчас. Ведь все время операции он просидел внутри «уазика».

– Бл..! – Борис бросился к заложнику. – Шорников, не смотреть! Кругом! Буер, уведи ее! Быстро!

Буер испуганно взглянул на разъяренного начальника и накинул на голову женщине капюшон ее спортивного джемпера.

– Кто она? – хрипло спросил освобожденный.

– Вам этого знать не положено, – отрезал Борис. – Сейчас отвезем вас в закрытую клинику, там вы придете в себя, подлечитесь, а после улетите за государственный счет домой. Возможно, с кое-какой компенсацией в кармане. Но это произойдет при одном условии...

– Я забуду все, что видел сегодня ночью, – предположил мужчина.

– Верно, – Борис кивнул. – Рассказывайте, что была стрельба, вы легли на пол. Когда все стихло, вас освободили спецназовцы. Никаких женщин и шоферов без головы. Ясно?

– А в противном случае...

– Его не будет, – твердо ответил Борис. – Либо вы пользуетесь моей версией, либо освобождение заложника выйдет неудачным. Или неумолимый рок достигнет его уже на свободе. Например, откажут тормоза у машины или что-то в этом роде. Понимаете?

– Вполне.

– Я рад, что могу вернуть отечественной радиоэлектронике ведущего специалиста, – Борис пожал ему руку.

– Один вопрос, – мужчина задержал ладонь Бориса. – Эта женщина... под наркотиком?

– Нет, – Борис расплылся в загадочной улыбке. – У каждой фирмы есть свои секреты, Виктор Валентинович. И, заметьте, я не расспрашиваю о ваших...

– Извините, – Виктор выпустил его руку.

– Идемте, – Борис указал на просвет между деревьями. – Вертолеты там, на опушке...

Едва они отошли, место побоища снова накрыл туман, но теперь без выкрутасов. Ровный и не слишком густой. Вот только почему-то красноватый. Шедшая навстречу группа зачистки в замешательстве остановилась. Борис и Виктор тоже замерли и обернулись. Некоторое время они молча наблюдали за неторопливым движением красноватой дымки, но потом Борис нашелся:

– Это восход, – он насмешливо взглянул на старшего вспомогательной группы. – Туман преломляет первые лучи...

– А-а, ну да, – старший кивнул. – Я тоже так подумал...

– За дело, – Борис указал большим пальцем за спину, а свободной рукой подтолкнул освобожденного заложника вперед.

– Ну, чего встали?! – рявкнул на подчиненных старший группы. – Тумана не видели никогда?!

– Такого – нет, – сказал кто-то.

– Разговорчики! В цепь! Зачистка по плану номер четыре...

2 ВОЗДУХ

Над городом тоже плыли облака и даже тучи, но видимое движение воздушных масс по спирали, да еще и с необычным резким разворотом у центра в обратную сторону, наблюдалось только здесь, поблизости от аэропорта. Эти искаженные облачные массивы выглядели величественно, хотя и довольно странно. Светлые облака и темные тучи перетекали друг в друга, словно символы «инь» и «янь»...

Главный координатор Системы оторвался от завораживающей небесной карусели и, предлагая продолжить доклад, взглянул на подчиненного.

– Система работает, это все, что я могу добавить, – координатор южного округа раскрыл папку. – Здесь коротко обо всех происшествиях, которые могли стать громкими преступлениями, не будь в округе отделения «Водолея».

– Статистика мне известна, – собеседник скользнул взглядом по листкам в папке и вновь уставился в окошко лимузина. – Я хочу услышать ваше личное мнение. Ведь вы не рядовой сотрудник, а глава целого участка, причем самого напряженного.

– Еще год – и мы снова сделаем этот регион всероссийской здравницей, как в былые времена, – координатор усмехнулся. – Спокойной и безопасной. Я верю в проект и не предвижу никаких проблем. Система «Водолей» – самое эффективное лекарство от болезней нашей страны. Да и других тоже. Терроризм, похищения людей, торговля оружием и наркотиками – чума нового века...

– Заканчивай эту лабуду! – взорвался собеседник, угрожающе наклоняясь к координатору. Впрочем, он тут же успокоился и вновь откинулся на спинку. – Ненавижу эти штампы. Стандартные фразы для серых народных масс, штампованная идеология новых рыночных отношений и возрождения непобедимой империи, только не красной, а трехцветной. Тьфу! Блевать хочется от такой политики. И от наших близоруких политиков тоже. Они же сначала требуют показать результат, а уж после – может быть! – выделяют статью финансирования.

– Система – это сила, реальные возможности которой не представить даже самому дальновидному политику, – тщательно подбирая слова, высказался покрасневший координатор. – А потому самое разумное – обойтись без них.

– Другое дело, – гость из центра удовлетворенно кивнул. – Может, оно и к лучшему, что политиканы не лезут в долю и не дают нам ценные указания. Без них, конечно, не обойтись, но об истинной сути проекта им знать необязательно. Как у тебя с побочными эффектами?

– Как у всех, – координатор вздохнул. – Мы называем это «красным смещением»... Сначала меняли операторов, тестировали-отлаживали аппаратуру, отбирали агентов, как в отряд космонавтов, а потом смирились. Никакие хитрости не помогают. Может, надо изменить что-то в конструкции основного блока?

– Чтобы лезть в главную схему, нужен специалист. А у нас таковых нет и никогда не было. Потребуется приглашать либо самого изобретателя, либо кого-то из его лаборатории. А представь, как удивится «отец» Системы, когда узнает, во что превратили его детище хитроумные секретные последователи. Его заочные, так сказать, аспиранты из Специального Агентурного Управления, бывшего спецотряда СБ...

– Но ведь мы начали кампанию по постепенной легализации «Водолея», а если данные по «красному смещению» всплывут, все пойдет насмарку...

– Не всплывут! – начальник хлопнул ладонью по кожаному подлокотнику. – О «смещении» знают только специалисты САУ. Даже наш куратор ни сном, ни духом. Так все и оста-

нется. Побочные эффекты будем устранять с помощью тщательной зачистки. И не в переносном смысле, а в прямом: лопаты, ведра, тряпки, пылесосы... И это одна из ваших главных задач!

– Я понимаю.

Лимузин остановился. Столичный гость вновь перевел взгляд за окно. Сквозь прутья высокого забора виднелись изящные белые силуэты воздушных лайнеров. Вокруг ближайшего самолета было втрое больше людей и техники, чем у прочих. Объяснялось это просто. Самолет был захвачен.

– Взлетели нормально, – тоже глядя на лайнер, пояснил координатор. – Вдруг условный сигнал. «Захват». Террористы потребовали лететь на юг. По предварительным оценкам, их четверо или пятеро. Действовали грамотно. Пока главарь вел переговоры с землей из кабины, остальные контролировали пассажиров и экипаж. И все бы у них получилось, да вмешался случайный фактор жадности.

– Это ты красиво сформулировал, – начальник усмехнулся. – Перегруз, что ли, был?

– Так точно. Выяснилось, что имеется перегруз багажа, и чтобы уложиться во взлетную массу, взяли мало керосина. До южной границы никак не дотянуть. Потребовалась посадка для дозаправки. Ну вот и сели. Местные специалисты из известной нам федеральной службы пытались заговорить террористам зубы и подвести дело к штурму. Но террористы оказались не лыком шиты. Следили за поляной во все глаза, и обмануть их не удалось. Они заметили телодвижения спецов и тут же выбросили труп одного из стюардов. Пришлось доблестным чекистам отойти и вспомнить о секретном приказе номер сто семь. Насчет взаимодействия с нами.

– Ясно, – гость поправил галстук. – Когда думаете начать?

– Как только начнется закачка топлива. Этот успокаивающий факт немного ослабит бдительность террористов, и мы этим воспользуемся.

– Операторы опытные? Случай необычный – придется работать с абсолютно свежими исполнителями.

– Двое операторов работали в Конторе и специализировались как раз на таких делах, третий – бывший сотрудник транспортной милиции. Занимался тем же, но по другой линии. И в САУ – Системной Безопасности – все трое с самого начала. Успех гарантирован.

– А как у них с личностными характеристиками? Побочного эффекта будет по колено?

– Вообще-то, они ребята спокойные, но ведь вы знаете, когда дело касается Системы, никакие достоинства не спасают...

– Жаль, не получится заснять, – столичный гость открыл дверцу и вышел из машины.

Над летным полем тучи наконец победили «светлое начало», и начал накрапывать дождь.

Из здания терминала появились двое мужчин в одинаковых костюмах. Они быстро пробежали к лимузину и приклеили к физиономиям выражения глубочайшей преданности начальству.

– Здравствуйте, Борис Михалыч, – один раскрыл над гостем зонтик.

– Привет, Ивлев, – начальник походя кивнул. – Давно не виделись.

– Почти год, – Ивлев старался говорить ровно, но в голосе все равно угадывалось волнение.

За последний год его бывший командир поднялся на недостижимые высоты. Из командира спецотряда Системной Безопасности он превратился в главного координатора всей Системы, в которой бывшей СБ, а ныне Управлению, отводилась тайная и почетная, но вспомогательная роль. Выше Бориса в иерархии стояли только таинственный создатель проекта и куратор – вице-премьер, отвечающий в правительстве за военные и секретные разработки. Ивлев за то же время сумел выбиться из рядового сотрудника СБ в старшие оперативники САУ. Поднялся ровно на одну ступень. Прогресс сомнительный. Особенно для такой дина-

мично развивающейся конторы, как Специальное Агентурное Управление. Как тут не разволноваться при встрече с бывшим непосредственным начальством.

– Кто командует? – Борис наконец соизволил взглянуть на Ивлева. – Ты, что ли?

– Так точно!

– Ну, ну, – главный координатор усмехнулся. – Показывай, чему научился.

– Сюда, пожалуйста, – Ивлев указал на крытый переход в диспетчерскую башню.

Они прошли в святая святых аэропорта и расположились у большого окна. Отсюда самолет и подступы к нему были видны как на ладони.

– Операторы готовы? – обратился Ивлев к младшему координатору операции.

– Готовы, – тот деловито склонился над «системным» пультом.

Его экран был поделен на три части. В каждом окне высвечивались показатели одного оператора: пульс, давление, ритм мозговых волн и так далее. Увидеть мир глазами исполнителей пока не удавалось никому, кроме операторов; транслировать картинку на экран было вне возможностей Системы. Приходилось целиком доверять тщательно подобранным операторам. Почти целиком. За ними следили координаторы, а за теми – еще и начальство вроде Ивлева. Опытный оператор вполне мог в одиночку следить за тремя, а то и пятью исполнителями. А один координатор наблюдал за медицинскими показателями и поддерживал аудиосвязь с тремя-пятью операторами. В целом ничего сложного. Ведь промежуточным звеном была Система. Она расширяла возможности специалистов в любое посильное количество раз. Надо было только раскрыть сознание и позволить «Водолею» воспользоваться ассоциативными способностями человеческого мозга. Но чтобы «раскрыться», операторам, как ни парадоксально, требовалось сосредоточиться. И не только им.

В присутствии большого начальства сосредоточенность всех сотрудников взлетела до запредельных высот. Произвести благоприятное впечатление на «южного» и «главного» было делом чести не только для Ивлева, но и для его подчиненных. Ведь по результатам операции любой из них мог занять место непосредственного начальника. Стоило только отличиться. Рабочая конкуренция в САУ приветствовалась.

Ивлев взглянул на Бориса. Тот одобрительно кивнул.

– Выпускаем кукол, – отдал Ивлев необычный, но ставший уже традиционным приказ.

В иллюминаторах самолета погас свет, и в диспетчерской повисла напряженная тишина.

– Радиосвязь с кабиной, – приказал Борис.

– Связь молчит, – ответил связист аэропорта.

– Плохо.

– Мы направили на иллюминаторы самолета дистанционные микрофоны и лазеры, – сказал Ивлев.

– Так какого черта не включаете?! – рявкнул Борис.

– Они включены, – возразил Ивлев.

– Но там тихо, как в могиле, – негромко заметил «южный» координатор. – Мы опоздали?

– Нет, просто «Водолей» подбирает исполнителей, – воспользовался возможностью отличиться координатор за пультом. – Редкое явление, но, когда работаем без подготовки, такое случается.

– А если Система выберет самих террористов? – задумался «южный». – В последнее время приемники ее сигнала имеют даже дети...

– На этот случай есть операторы, – вежливо возразил Ивлев. – В их задачу как раз и входит корректировка действий Системы. Они не допустят подключения к ней злоумышленников. Я думаю, они выберут кого-то из членов экипажа.

– Первый и третий операторы вошли в контакт, – доложил младший координатор. – Второй тоже! Можно начинать.

– Пошли! – дал отмашку Ивлев.

В ту же секунду динамики громкой связи разорвали тишину диспетчерской десятками голосов. Пассажиры кричали, слышалась какая-то возня и неприятные хлюпающие звуки. В иллюминаторах сверкнули несколько вспышек. Это обстоятельство заставило Ивлева насторожиться, но никаких выстрелов за вспышками не последовало. Видимо, это было что-то другое. Террористы, конечно, утверждали, что вооружены пистолетами, но верить им не следовало. Даже после того, как в самолете что-то подозрительно сверкнуло.

– Если это было какое-то бесшумное оружие... – начал было «южный».

– Даже бесшумные пистолеты издают характерный звук, – возразил Борис. – Максимум, что есть у террористов, – ножи.

– Но что-то же там сверкнуло. Да и стюарда они убили выстрелом в затылок.

– Разберемся позже, – отмахнулся Борис. – Тем более больше не сверкает...

Постепенно панические крики и визг слились в сплошной хриплый вой. Пассажиры были на грани сумасшествия.

– Может, им посветить чуть-чуть, – предложил младший координатор. – Прожекторами. Иначе совсем тронутся. Темнота и монстры, рвущие людей в клочья... это не каждый выдержит.

– Если они увидят «побочный эффект» во всей красе, будет еще хуже, – ответил Ивлев. – Передай операторам, чтобы опустили на иллюминаторах шторы.

Он повернулся к своему заместителю.

– Буер, скажи аэродромным техникам, пусть подгоняют трапы и цепляют тягач. Основную группу на борт, вторую и третью – в оцепление. В самолет не пускать никого, кроме своих. Даже чекистов!

– Есть, – Буер неслышно выскользнул из диспетчерской.

Ивлев обернулся к Борису и «южному».

– Сейчас выгрузим пассажиров в автобусы и отгоним самолет в ангар.

– Не лучше ли выпустить граждан внутри ангара? – засомневался «южный».

– Это означает продержать пассажиров в самолете лишние полчаса, – возразил Ивлев. – Нельзя так с людьми...

– Все правильно, – поддержал оперативника Борис. – Чем меньше они там пробудут, тем меньше расскажут. Отвезите заложников в зал для важных персон, и пусть с ними поработают психологи и следователи. Заодно и одежду в порядок приведут.

– Заодно и обыщут, – в тон ему добавил «южный». – У меня появилось одно нехорошее подозрение насчет этих вспышек...

– Фото? – предположил Борис.

– Вот именно, – согласился координатор. – А нам это надо?

– Чекисты будут против, – заметил Ивлев. – Это же их работа.

– С Конторой я все улажу, – пообещал главный. – Не в первый раз.

* * *

Черные тучи над аэропортом принимали форму перевернутых гор, с провалами «ущелий» вверх и толстыми щупальцами «вершин», направленными вниз, будто бы собирався сформироваться торнадо не меньше чем пятой, максимальной, категории. Дождь хлестал все сильнее, но гром доносился откуда-то издалека, с периферии грозового фронта, а молний вовсе не было видно, одни отблески. От ударов частых тяжелых капель трап гудел, как перетрудившийся барабан.

– Граждане, выходим организованно, без паники, не забывайте свои вещи...

Оцепление набросило капюшоны однотипных полупрозрачных плащей, а многие из стоящих у трапа людей раскрыли зонты. Лавров чуть задержался на верхней площадке, глубоко вдохнул и быстро спустился вниз. После духоты и тошнотворного запаха в салоне свежесть

обыкновенного дождя казалась чудом. Свет прожекторов, отблески в лужах, сверкающий, словно антрацит, мокрый асфальт, тяжелые дождевые капли, голоса, мельтешение лиц... Голова кружилась и без них, а с ними и вовсе хотелось сесть прямо на ступени трапа и забыться. Нервное напряжение не отпускало, хотя кошмар остался позади, теперь это было понятно. Владимир прижал к животу сумку и оглянулся. Следующий пассажир появился на трапе, только когда Лавров ступил на землю. Странные вежливые люди в строгих костюмах были неумолимы и выпускали людей по одному. Плотная очередь рыдающих, подавленных, подвывающих от ужаса или стиснувших зубы пассажиров – каждый реагировал на произошедшее по-своему – толкалась и тряслась в проходах между рядами кресел, словно по ней пустили ток. Лампы в салоне так и не включили, но даже в жалких люксах забортного света, пробивающегося сквозь пластиковые шторы, были видны и огромные темные кляксы на стенах, и брызги на белоснежных салфетках подголовников. А еще многие пассажиры никак не могли стереть липкие брызги с лиц и одежды, размазывая их вместе с собственными слезами и соплями. И этот запах... Лаврова передернуло. Кондиционеры выключились сразу после того, как заглохли двигатели, и в спертom воздухе запах крови был особенно насыщенным, каким-то густым и вязким. Владимир точно знал, как пахнет кровь и развороченные внутренности. Но когда он сталкивался с этими ароматами в прошлом, их обязательно сопровождала гарь и пороховой дым. Теперь к запаху крови присоединялась только углекислотная духота и запах страха.

– Пройдите в автобус, – чьи-то руки направили Владимира в нужную сторону.

Он перехватил сумку поудобнее и запахло легкой куртки. Автобус был почему-то не аэродромным, а обычным, и в нем оставалось всего одно свободное кресло. Когда Лавров поднялся в салон, двери закрылись, и автобус покати к терминалу, а на его место тут же подогнали другой. «Хотя бы здесь без толчеи и паники, – мелькнула мысль. – Психологически сделано верно. Соображают... А везут наверняка в отдельный зал. Для подробной беседы и осмотра...»

Лаврова мысль о досмотре почти не взволновала. Ничего особенно при нем не было. Вернее, почти ничего... В сумке поверх вещей лежал фотоаппарат. Обычная «мыльница». Полный примитив, разве что с автоматической перемоткой. Владимир сунул руку в сумку и, нащупав аппарат, нажал кнопку. Пленка была всего на двенадцать кадров и смоталась быстро. Лавров, так же на ощупь, открыл фотокамеру и вынул пластиковый цилиндрок. Эту пленку следовало сохранить во что бы то ни стало. Чутье репортера подсказывало Владимиру, что правду об этом освобождении никто не расскажет. А раз так, на пяти кадрах уникального фоторепортажа о неммыслимом бое и его последствиях можно будет заработать неплохой капитал. И даже очень неплохой капитал. Надо только придумать, как сохранить пленку.

Автобус остановился вплотную к дверям зала для приема особо важных персон, и сопровождающий пассажиров человек в штатском предложил всем по одному пройти в терминал. Лавров взглянул в окно и увидел, что со стороны зала прилета идут какие-то энергичные люди. Судя по каменным лицам, намерения у них были также самые решительные. Надвигался явный скандал. Будет он долгим или угаснет после первого же выпада-ответа, Владимир гадать не стал. Он вне очереди протиснулся к дверям и вышел из автобуса.

– Всем оставаться на месте! – крикнул один из приближающихся людей.

– Не задерживайтесь, проходите в помещение, – негромко приказал сопровождающий непосредственно Лаврову.

– Стоять, я сказал! – рявкнул все тот же «штатский».

Владимир сделал вид, что колеблется, и шагнул в сторону, к двери в общий зал вылета. От «вип»-выхода ее отделял всего один трехметровый стеклянный пролет. Все внимание подошедших людей было сосредоточено на конвоире и выбравшемся ему на подмогу водителе автобуса. Лаврову удалось незаметно отойти и подергать дверь. То ли по случайности, то ли в связи с экстренной ситуацией она была не заперта. Владимир обернулся. Дежурная в синей

униформе, с зонтиком в одной руке и приемопередатчиком в другой оживленно беседовала с милиционером. Непосредственно возле тамбура расположились скучающие пассажиры задержанных рейсов. Трое из них стояли совсем близко, украдкой смоля сигареты и выпуская дым в открытую внутреннюю дверь тамбура. Лавров немного приоткрыл наружную створку и осторожно протиснулся в щель. Ближайший курильщик в почти такой же, как у Лаврова, темно-зеленой куртке стоял буквально в шаге, но смотрел внутрь зала вылета, на экран телевизора. Там показывали прямой репортаж об освобождении заложников. Журналистов на поле не пускали, и репортаж они вели из-за забора, но их позиция все равно была лучше, чем у пассажиров, запертых в зале вылета. Его окна и стеклянные двери выходили на другой участок поля, а выглянуть из тамбура пассажирам, видимо, не позволяла внутренняя дисциплина. Или присутствие в зале милиционеров. Да и дождь лил так, что ничего не разглядеть... А о том, что к соседнему залу подрулил автобус с первой партией освобожденных, они не догадывались.

Владимир осторожно прикрыл за собой дверь и украдкой взглянул на весьма напряженно беседующих мужчин у автобуса. Как назло, именно в эту минуту налетел порыв ветра, и дверь за Лавровым предательски хлопнула, задребезжав всеми стеклами и алюминиевыми уголками. Реакция конвоиров и людей, с ними спорящих, была быстрой и на удивление единодушной. Они прошли в тамбур и прижали Владимира к внутренним дверям. Лаврову ничего не оставалось, как сунуть кассету куда-то в складки одежды ближайшего курильщика.

– Пройдите, пожалуйста, в соседний зал, – крепко взяв Лаврова под локоть, предложил сопровождающий.

– Да все в порядке, – Владимир слабо улыбнулся. – Я на такси и домой...

– Вы живете в этом городе? – удивился один из людей в штатском.

– Нет, – Лавров понял, что сболтнул глупость, и покраснел.

– У вас эмоциональный шок. Наши специалисты окажут вам помощь, – конвоир настойчиво тянул его на свежий воздух. – Пройдемте...

Владимир попытался высвободить руку, но мужчина держал крепко и не просто так, а особым образом – в миру это называлось болевым захватом. Лавров не стал проверять, насколько это больно, и покорно поплелся в зал для «вип»-персон.

– Ой, что тут... что такое? – запричитала подлетевшая дежурная.

– Двери надо запирать, вот что, – буркнул один из мужчин и, обращаясь уже к конвоиру Лаврова, заявил: – Мы все равно получим разрешение, Буер! Твой Ивлев нам не указ!

– Вот когда получите, тогда и приходите, – отрезал сопровождающий. – А если вам Ивлева мало, можете к Борису Михалычу обратиться. Он тоже тут.

Лавров на всякий случай запомнил: «Буер, Ивлев, Борис Михалыч...» Люди, которые запросто «отшивают» сотрудников ФСБ. В том, что «скандалисты» – это сотрудники Конторы, Владимир не сомневался. За годы журналистской практики он сталкивался с ними не раз. Не с этими, конечно, но все они были похожи. Манерой держаться и уверенностью в собственной непогрешимости...

* * *

Ивлев смотрел на небо и удивлялся. Там происходило что-то странное. Грозовой фронт словно кто-то разрезал по линейке. Причем точно по ветру и прямо над взлетной полосой. В ровный широкий просвет уже взлетели все задержанные рейсы. Таких необычных гроз старший оперативник не видел даже на востоке, во время командировок. А ведь его приезды только в этом году трижды совпадали с приходом тайфунов. Хотя в последнее время буквально все в природе происходило как-то не так. Буйствовали летние, «просроченные», наводнения, ни с того ни с сего просыпались вулканы и происходили обвалы в «старых», тысячелетиями спокойных горах. То и дело случались непонятные землетрясения в равнинных зонах и на островах у

европейского побережья Атлантики. Осенние засухи в средних широтах душили народ дымом горящих торфяников, а участвовавшие ураганы на Дальнем Востоке топили суда и рушили береговые сооружения. Южнее тоже бушевали тайфуны, экватор плавился от невиданной жары... Даже от Антарктиды откалывались гигантские айсберги, уносившие по круговому течению целые побережья ледяного континента...

Впрочем, с ума сходила не только природа. Неладное творилось и с людьми. Куда ни кинь, полыхали костры локальных войн, которые в сумме тянули на скрытую, дискретную мировую. У руля повсюду стояли откровенные мерзавцы, а экономику строили и направляли в противоестественное русло настоящие пройдохи!

Ивлев раздраженно сплюнул и, бросив окурочку мимо урны, вернулся в зал, где с пассажирами работали психологи и следователи его группы. Ближе всех к выходу расположился Буер. Он с особым старанием и скрытым удовольствием «прессовал» несостоявшегося беглеца. Тот, правда, пока держался.

– Ну, зачем же вы, Владимир Николаевич, нас обманываете? – Буер закрыл фотоаппарат.

– Клянусь, в нем не было пленки! – Лавров перевел честнейший взгляд с Буера на его начальника.

Прошло больше часа с начала морально-психологической обработки пассажиров и откровенного досмотра их личных вещей. Фотографа-любителя агенты Управления вычислили практически сразу. Фотоаппарат в сумке Владимира лежал на виду. Однако пока в зале не появился Ивлев, беседа между Буером и Лавровым шла простая и малосодержательная. Сотрудник САУ настаивал, что Владимир делал в самолете снимки, а тот все отрицал и требовал уважения своих гражданских прав. Ивлев «разрулил» ситуацию в одно мгновение. Он просто взглянул на фотоаппарат и продемонстрировал его состояние сначала Буеру, а затем и вспотевшему владельцу.

– А это что? – Ивлев указал на защелку, открывающую шторку объектива и встроенной вспышки. – Батарейки посадить не боитесь? Да и оптику можно поцарапать.

– Наверное, случайно... открылась, – уже не так уверенно пробормотал Лавров.

– Где кассета?

– Я не трогал камеру! Я хотел купить пленку по прилете!

– Это он пытался сбежать? – словно бы опять проявляя завидную проницательность, уточнил Ивлев у Буера.

– Он самый, – сотрудник враждебно взглянул на упрямого пассажира. – Никакой лояльности... одни понты...

– Что? – удивился Владимир.

Одеты эти люди были хорошо, для сотрудников секретных государственных органов даже чересчур. А вот речь начинала их выдавать. Слишком вольная. Кто были эти люди, запросто конфликтующие с чекистами, одетые как бизнесмены средней руки, но выражающиеся как бандитская шпана?

– Что, что, – угрюмо буркнул Буер. – Препятствуете работе правоохранительных органов, гражданин.

– А разрешите поинтересоваться, каких конкретно органов? – Лавров обращался больше к Ивлеву, чем к его подчиненному.

– Специальное Агентурное Управление, – старший оперативник показал удостоверение гособразца.

– Странно, раньше не слышал, – Владимир внимательно изучил «корочки». – Это взамен чего?

– Это само по себе, – ответил Ивлев. – В дополнение ко всему.

– Не многовато будет? ФСБ, милиция, служба охраны, полиция, минюст, спецназы всякие... Куда больше-то?

– Вопрос не ко мне, – Ивлев, нависая, оперся о стол, за которым сидели Буер и Лавров. – Так где пленка, Владимир Николаевич? Вы намерены предпринять действия, направленные на подрыв государственной безопасности? Тянет на измену Родине. Это знаете сколько лет строгого режима?

– Не было никакой пленки, – Лавров нахмурился. – И вообще... ни слова больше не скажу без адвоката и внятного обвинения.

– Надо же! – фыркнул Буер. – Насмотрелись америкосовских фильмов и думают, у нас теперь то же самое. Демократы хреновы.

– Буер, погуляй, – Ивлев уселся за стол.

Буер еще раз фыркнул и отошел к группе сотрудников, тщательно роющих в багаже.

– Я требую адвоката! – предупредил Лавров.

– Я хочу просто поговорить...

– Нет смысла, – отрезал Владимир. – Либо вы соблюдаете закон, либо действуете, как террористы, и тогда нам тем более не о чем говорить.

– Я готов соблюдать закон, но и вы будьте законопослушны, господин Лавров.

– Я не совершал ничего противоправного, – Лавров сложил руки на груди. – Разговор окончен.

– А если мы докажем, что вы были в сговоре с террористами и фотографировали по их заказу?

– Вы рехнулись? – Владимир выкатил глаза, но быстро что-то сообразил и махнул рукой. – Все равно у вас нет пленки!

– Мы ее найдем, – заверил Ивлев. – Но если это произойдет без вашей помощи, ждите обвинения в пособничестве террористам.

– Пленка ничего не доказывает, – хладнокровно парировал Лавров. (Но чего ему стоило это хладнокровие!)

– А если мы подкрепим улику признательными показаниями?

– Моими? – Владимир усмехнулся. – Я ни в чем не признаюсь.

– А показания свидетелей?

– Любой пассажир скажет, что я не имел с бандитами никаких контактов!

– А я уверен, что трое или четверо скажут обратное.

– Бред! – выдержка Лаврову наконец изменила. – Это... наглое давление! Вы ведете себя, как... как... душегуб из сталинского НКВД! Вы меня не запугаете!

– Подумайте, Лавров, – продолжил наседавать Ивлев. – Вспомните запечатленные вами кадры. Кто дал террористам отпор? Кто были эти бесстрашные и сильные агенты? Голливудские громилы?

– Нет, – Владимир зажмурился.

Ему не хотелось вспоминать увиденные во вспышках картины. Слишком тяжело было поверить в такую жуть. Милая стюардесса и лежащий у ее ног бородатый бандит, вспоротый от пояса до горла собственным кинжалом. Или второй пилот, на первый взгляд – примерный работяга и отец семейства, а рядом обезглавленный труп террориста, который застрелил стюарда, когда спецназ хотел пойти на штурм. И тот совсем юный, но крепкий парнишка в спортивном костюме с логотипом национальной сборной, который одним движением свернул голову третьему бандиту и превратил в месиво голову четвертого, используя в качестве биты обычный двухлитровый огнетушитель... Кто и как расправился с пятым, Лавров не видел, но подозревал, что и тому выпало умереть страшно и бесславно.

– Вспомнили? А теперь скажите, неужели вы действительно думаете, что мы не заставим вас признаться? Или не найдем пару-тройку лжесвидетелей?

– Вы... изверги... – Лавров стиснул зубы и помотал головой. – Вам это с рук не сойдет... Такие эксперименты, это... дикость!

– Какие эксперименты? – Ивлев откинулся на спинку стула и дружелюбно улыбнулся. – Где пленка, Владимир Николаевич?

– Я сунул ее в карман мужчине, который курил в тамбуре зала вылета.

– Ой, как скверно, – искренне огорчился Ивлев, глядя на часы. – Буер!

– Я, – сотрудник мгновенно подлетел к столу.

– Срочно выясни, какие рейсы отпавились в последние полчаса.

– Все задержанные, – вместо Буера ответил вошедший в зал Борис. – Что, Ивлев, снова облажался?

– Я тут допросил...

– Я слышал вашу беседу, – оборвал его Борис. – Допрашивал ты нормально, вот только надо было сначала мозгами пошевелить. Куда мог подевать кассету наш правдолюб, кроме как выбросить или сунуть кому-то в карман? А с кем и когда он встречался по пути от самолета в этот вонючий зал? Только с вылетающими пассажирами в момент его неудачной попытки к бегству... С кем приходится работать!

Он с фальшивым пафосом всплеснул руками и склонился над Лавровым.

– Тебя, урод, я лично придушу... как только придет время.

– Я попросил бы... – Владимир поднял на него смелый взгляд, но осекся.

Борис смотрел, не мигая и абсолютно без эмоций. Словно мертвец. Или... на мертвеца. Осадив строптивного пассажира, Борис вернулся к Ивлеву.

– Пять рейсов ушли один за другим. И все пассажиры этих рейсов толклись в зале вылета одной дружной компанией. Соображаешь, что это значит?

– Придется встретить пять рейсов в городах прибытия и вычислить нужного мужчину по особым приметам, – не слишком уверенно ответил Ивлев.

– Ага, по особым приметам, – Борис схватил подчиненного одной рукой за лацканы пиджака. – По каким, хотелось бы узнать?! По зеленой куртке и наличию вредной привычки? А если в городе прибытия будет плюс тридцать в тени и куртку он снимет? И сигареты у него закончатся, а табачные киоски закроются на переучет!

– Что же делать? – Ивлев нервно потер руки.

– Встречать, – ехидно ответил Борис. – Больше нечего. Связывайся со всеми городами, объясняй координаторам, что к чему. Потерять эту пленку нам никак нельзя. Слишком уж откровенные на ней кадры.

– А этого куда? – хмыкнул за плечом растерянного Ивлева Буер.

– А этого в пионерский лагерь, на витаминотерапию, – жестко приказал Борис. – Пока не забудет все, что видел, будем лечить...

– Вы не имеете права! – вскинулся Лавров.

– Сидеть! – рявкнул Борис. – Будь ты нормальным пассажиром, все обошлось бы парой противошоковых доз. Вон, как у всех... – он кивнул в сторону прочих экс-заложников. Те сидели в креслах и мирно дремали. – Через пару часов они очнутся и полетят домой. Без неприятных воспоминаний, довольные и счастливые. А тебе придется задержаться и отнюдь не на два часа. И дозу ты примешь не одну и не две. Благодаря свое любопытство и репортерскую жилку...

– Это произвол! – уже глухо пробормотал Владимир.

– К чему стремились, то и имеем, – Борис усмехнулся и развел руками. – Правовое общество и высокие технологии у него на службе... Буер, увести!

...Просвет в тучах сначала расширился, а затем, за какую-то четверть часа, на небе не осталось ни одного облачка...

3

ВОДА

В животе на секунду образовалась пустота и заложило уши. Виктор открыл глаза и привычно взглянул на часы. Все верно. Самолет заходил на посадку. Обратный полет всегда продолжался на тридцать минут меньше. Почему воздушные трассы были проложены не по прямой, а по каким-то ломаным линиям, Шорников никогда не интересовался. Он просто принимал это как факт. Особенно после того, как узнал, что воздушное движение – это запутанная, с точки зрения обывателя, сеть маршрутов и высотных «эшелонов» и любое отклонение на триста метров по вертикали может привести к катастрофе. Насколько нужно уйти в сторону, чтобы врезаться в борт другого лайнера, посреди, казалось бы, безбрежного неба, он точно не знал, но подозревал, что тоже ненамного. А потому – ломаные, значит, ломаные. Пусть летят, как положено. А сожалеть о лишних тридцати минутах полета – глупо. Раньше, в поездах с паровыми локомотивами, люди тратили на такой путь неделю. А еще раньше – полгода. Когда ездили на гужевом транспорте, от «ямы» к «яме».

«Ямщик, не гони... – Виктор потянулся и заглянул через плечо соседа в иллюминатор, – успеем...»

Облаков внизу не было. Как, впрочем, и вверху. Над приморьем стояла чудесная летняя погода. Виктор вспомнил взлет. Было, честно говоря, жутковато. Особенно когда, стараясь проскочить между грозowymi фронтами, самолет взмыл, словно ракета, под каким-то рискованным углом. В пилотаже пассажирских лайнеров Шорников разбирался еще слабее, чем в особенностях построения воздушных коридоров, но даже непосвященному было понятно, что пилоты рисковали. Ну да эти переживания остались позади. Так же, как легкий душок страха, которым был пропитан аэропорт. Там, в зале вылета, все прекрасно понимали, что новый захват ни одному из пяти отправляющихся бортов не грозит, но избавиться от нервозности никто не мог. Сейчас нервы успокоились, а безоблачная синева и яркое солнце помогли забыть о пережитом волнении. Теперь события дождливого утра воспринимались как немного необычная тема для обсуждения со знакомыми. Да и необычная лишь потому, что Виктору довелось побывать почти на месте происшествия.

Уши снова заложило, и Шорников сглотнул. Снижался самолет медленнее, чем взлетал, но от перепада давления все равно было никуда не деться. Виктор оторвался от созерцания далекого моря и откинулся на спинку.

– Стихия, – вдруг заявил сосед. – Непонятная и неукротимая.

Виктор покосился на попутчика и вежливо кивнул. Сосед выглядел как типичный современный пассажир, путешествующий за чужой счет. Пользоваться услугами авиафирм – удовольствие не из дешевых, и на рейсах давно уже не встретить теток с кошелками или людей невысокого достатка. А если таковые и встречались, это были какие-нибудь специалисты, случайно вырвавшиеся на съезд или симпозиум с подачи спонсоров или администрации предприятий. Попутчик был явно из этой категории. «Наверное, какой-нибудь доцент или служащий». Виктор ориентировался на возраст, лицо и костюм. Возраст был предпенсионный, лицо интеллигентное и не такое сосредоточенное, как у типичного бизнесмена, а костюмчик аховый. Не старый, но старомодный. И стригся «дедуля» наверняка у собственной «бабули», на кухне, а не в парикмахерской, и носил очки модные в прошлом веке. Причем не в конце века, а где-то годах в восьмидесятых.

– Две, – Шорников указал глазами на небо.

Развивать тему он не собирался. Просто ответил. Теперь, когда до посадки оставались считанные минуты, это не грозило длинной занудливой беседой и шапочным знакомством.

– Тогда уж три, – попутчик улыбнулся и указал тонким пальцем на солнечный диск.

– Огонь? – Виктор понимающе кивнул и, как бы закругляя беседу, принялся искать под сиденьем второй конец привязного ремня.

– Свет! – неожиданно воодушевился сосед.

– Ну да, – Шорников щелкнул пряжкой. – Огонь – свет...

– Нет, – попутчик расплылся в снисходительной улыбке и покачал головой. – Не «огонь-свет», а просто свет. Мы сейчас видим три из двенадцати стихий. Хотя, отчасти, видим и огонь. Ведь Солнце – это бушующий огненный шар. Просто он настолько далеко, что уверенно сказать «я вижу огонь» нельзя.

– Двенадцать? – Виктор усмехнулся. В своей жизни попутешествовал он немало и наслушался от случайных попутчиков еще не такой белиберды. Опыт подсказывал, что разумнее всего сейчас согласиться и спокойно продремать до посадки. Но Шорников почему-то не удержался. – Я всегда считал, что их четыре: воздух, земля, вода и огонь.

– Это вам так внушали, – возразил старичок. – Потому что так удобно. Избыток идиологов приводит к путанице. А вот если все грани мироздания можно описать простыми числами, это хорошо запоминается, легко осмысливается и создает иллюзию комфорта. Ведь согласитесь, не понимая чего-нибудь, мы боимся, а страх – чувство неудобное. Человек должен точно знать, что вокруг происходит, и тогда он счастлив.

– Возможно, возможно, – Шорников кивнул, но покосился на соседа с явным сомнением. – Двенадцать – не простое число...

– О чем я и говорю...

– Но тоже не слишком трудное для восприятия: двенадцать апостолов, зодиакальный круг, двенадцать месяцев в году...

– Вот, пожалуй, и все, – закончил вместо него попутчик. – Во всяком случае, все, что может припомнить европеец, как говорится, навскидку.

– Ну, хорошо, четыре стихии – упрощение, – отступил Шорников. – Но что к ним можно добавить? Ведь они полностью описывают реальность. Четыре агрегатных состояния вещества...

– Во-первых, пять, – возразил старичок. – Во-вторых, в вашей версии существует изъясн. С землей, водой и воздухом все более-менее в порядке, а вот огонь и плазма не одно и то же.

– А свет? Разве это нечто самостоятельное? Не продолжение огня?

– Конечно, не продолжение! Так же, как лед – это не просто замерзшая вода и ветер – не следствие движения частиц воздуха! Они самостоятельные, отдельные стихии. И когда мы узнаем имена всех двенадцати граней реальности, нам выпадет уникальный шанс – понять главную идею мироздания! Идею, без которой в новую эпоху просто не выжить! Ведь наступающий период вовсе не тот золотой век, прихода которого ждут многие люди. Например, астрологи уверены, что приближается эра Водолея, период благоденствия для всех народов планеты. Но они не учитывают, что он наступает не благодаря, а вопреки стараниям человечества, и чтобы в него вписаться, нам совершенно необходимо узнать о природе и ее стихиях гораздо больше, чем мы знаем сейчас! Образно говоря, для человечества Водолей на небе «не взойдет», пока мы не узнаем все об окружающем нас мире!

– Все? Вы же говорили только об именах.

– Ну, для начала хотя бы имена.

– А вы их не знаете?

– Не все, – сосед огорченно вздохнул. – Ведь узнать имя – это не взобраться на гору, крикнуть: «ветер, ветер, ты могуч...» или: «камень, как зовут твоих сестер и братьев?» и дожидаться ответа. Для этого нужно очень долго наблюдать и делать выводы.

– Занятно, – Виктор снова взглянул в иллюминатор.

Море было уже совсем близко. Шорников видел фигурки судов и даже волны, хотя по случаю приятной погоды особого волнения на воде не было, максимум – полбалла. И все же Виктор видел отчетливую рябь. Только... совсем не такую, какую ожидал. Сначала его внимание привлекли огромные концентрические круги. Невысокие плавные волны расходились, словно бы от точек падения камней. Но каких камней, если диаметр каждого начального круга был не меньше сотни метров? Откуда могли свалиться такие глыбы? Шорников перевел взгляд на постепенно растущие фигурки кораблей. Нет, круги шли не от них. За ними тянулись обычные кильватерные следы, почти не искажающие геометрию множества странных колец.

Самолет лег на левое крыло, и вдалеке показался берег. У его золотисто-зеленой кромки не было кругов, зато тянулась полоса резко очерченных волн, сплетающихся на поверхности моря какие-то невероятные живые арабески. Они постоянно меняли свой мелкий затейливый узор, как в зеленоватом калейдоскопе, но в их игре не было и намека на хаотичное движение. Все было строго упорядочено и... гармонично.

«Ветер так не может», – подумалось Шорникову.

Полоса водяного орнамента тянулась вдоль суши до горизонта. Она точно повторяла все изгибы береговой линии и неумолимо плела необыкновенно сложный орнамент ряби и волн.

«Подводное течение? Невероятно и... как красиво!»

Виктор от удивления даже не заметил, что придавил попутчика к стенке. Однако тот не возражал. Он тоже любовался причудами морской глади и удовлетворенно сопел.

– В Индии, например, давно поняли, что стихии не настолько бездумны и слепы, как это кажется человеку, – наконец высказался сосед. – Хотя с их обожествлением лично я не согласен.

Виктор очнулся и подвинулся на свое место.

– Течение... или косяки рыбы...

– Вы думаете? – попутчик усмехнулся. – А те круги – поклевки китов?

– Я не знаю, но этому наверняка есть разумное объяснение, – Шорников упрямо покачал головой.

– Вот в этом и заключается слабость современного человека, – сосед вздохнул. – Мы верим лишь в то, что придумали сами. В расщепленный атом, хирургию, электричество, химию... Все верно, мы рабы прогресса, материалисты до мозга костей. Но ведь и прогресс придумали тоже мы. Дабы сделать свое существование хоть немного комфортнее. Я не осуждаю науку или блага нынешней цивилизации. Просто грядет эра, в которую человечеством будет достигнута вершина горы Развития, и с этой вершины мы увидим, что дальнейший путь лежит вниз. По другому склону. И что мы будем делать? Покатимся обратно во мрак?

– До вершины еще очень и очень далеко, да и катиться с нее необязательно. Можно разбить лагерь прямо под облаками.

– Эх вы хватили! «Далеко» и «разбить лагерь»... Десять лет назад до глобального потепления было тоже далеко. Так мы считали. А что в результате? Оно просто – р-раз! – и наступило. И вовсе не через обещанные сто лет, а в наши дни. Вот и получается, науку, чтобы себя успокоить, мы освоили, а природу – нет. Раньше, от недостатка знаний, боялись всего на свете, теперь, от их же дефицита, ничего не боимся. Такой парадокс. А почему?

– Потому, что не разделяем технический прогресс и естествознание, – Виктор снова взглянул в иллюминатор. Лайнер уже выпустил шасси, и под ним показалось посадочное поле. – Наука – это и есть инструмент для изучения природы.

– Вы станете знатоком истории, культуры и повседневной жизни Китая, выучив язык, письмо, просмотрев все телерепортажи и прочитав все книги о нем, но вам не стать китайцем. – Самолет коснулся посадочной полосы, взревел двигателями и начал тормозить. Попутчик небрежно расстегнул привязной ремень. – Инструмент не сделает вас частью изучаемого

объекта, не поможет вам побывать в его, пардон, шкуре. Чтобы понять природу, надо слиться с ее составляющими, надо установить контакт с ее стихиями.

– Утонуть, сгореть и испариться? – Шорников улыбнулся и, привстав, взял из шкафчика над креслом свою куртку. За бортом было жарко, и Виктор собирался запихнуть ее в кейс.

– Для начала следует узнать все имена. Чтобы понять, где расположена точка внутреннего взаимодействия стихий, – также вежливо улыбаясь, ответил попутчик. – Скорее всего, там найдется и... э-э... разъем для подключения «человека технического». Извините за такое упрощение.

– Понятно, – Виктор кивнул. – Было приятно побеседовать...

– Взаимно, – сосед указал глазами на куртку. – Помнете...

Шорников оценил наличие свободного пространства в кейсе и был вынужден согласиться. Чем тратить силы и нервы на утрамбовку, проще было перекинуть куртку через руку и спокойно доехать до порта. Там она обязательно пригодится. Даже в такую жару. Надевать помятую будет неудобно, а уютить ее наверняка будет лень...

– Спасибо...

Виктор сошел по трапу одним из первых и больше попутчика не видел, хотя и оглядывался, зачем-то пытаясь найти его в толпе пассажиров. Зачем – он осознал, только выйдя из аэродромного автобуса. Из головы у Виктора никак не шли увиденные на море арабски и этот странный разговор об именах природных стихий. «Не благодаря человеку, а вопреки его усилиям, – вспомнилось Шорникову, – наступает новый период...» Попутчик несколько раз упомянул наступающую эпоху или эру, но так и не пояснил, что имеет в виду.

Впрочем, дорожные беседы – это отвлеченная лирика, а в жизни всем руководит конкретная и суровая проза. Через час Виктору следовало прибыть на другой конец города. Автобусом не успеть. Думать следовало об этом. Имена стихий тут были бесполезны.

– В город поедем? – подскочили сразу трое мужичков с ключами от машин на указательных пальцах. – Всего двести пятьдесят... Дешевле не найдете...

Зал прилета был полон калымщиков, готовых доставить пассажира хоть за море. Но у Виктора имелся горький опыт. Год назад его так вот и увезли в неизвестном направлении. В лес, полный ужаса и красного тумана. С тех пор он старался быть осторожным в любых мелочах.

Шорников протолкнулся сквозь заслон и торопливо вышел из здания аэропорта. Солнце слепило, а деревья и кусты вокруг ровно постриженного газона безмятежно шелестели. Это отгоняло неприятные воспоминания и даже бодрило. Виктор перевесил куртку на сгиб другой руки, надел темные очки и прямо по траве направился к стоянке «фирменных» такси.

Но у самой стоянки его неожиданно схватили под руки двое крепких типов и бесцеремонно затолкнули в микроавтобус с тонированными стеклами. Шорников даже не успел возмутиться...

* * *

– Извините за беспокойство, – один из сотрудников агентства вернул Виктору документы. – Специальная операция...

– Понимаю, – Шорников мельком взглянул на приложенную к документам визитку. – Но жалобу я все равно напишу.

– Ваше право, – агент криво улыбнулся. – Хотя, по старой памяти, могли бы простить нам такую мелочь. Всего хорошего, Виктор Валентинович.

– По старой памяти? – Шорников почувствовал неприятный холодок. – Так вы из конторы Бориса Михайловича?

– Так точно.

– Ну ладно, – Виктор спрятал документы в карман тщательно обследованной агентами куртки и выбрался из автобуса.

Встреча с людьми из Управления его насторожила. Шорников давно понял, что агенты Бориса не появляются на людях без крайней необходимости. Что же заставило их не просто появиться, но и устроить довольно рискованную поголовную проверку всех пассажиров мужского пола?

Мимо Виктора прошли все те же «ловцы». Теперь они тащили к автобусу сразу двоих растерянных граждан. Шорников узнал в них пассажиров своего рейса. В самолете они сидели на пару рядов ближе к хвосту. Все сходилось. У одного из них в руках была точно такая же, как у Шорникова, легкая куртка. Это обстоятельство лишний раз подтверждало, что агенты не располагают определенными приметами разыскиваемого человека. Виктор проводил процессию взглядом и быстро пошел к ближайшему такси. Задерживаться здесь было ни к чему. А может, даже опасно.

– Мужчина! – Виктора дернули за рукав.

Шорников едва не споткнулся от неожиданности. Он резко высвободил руку и остановился.

– Извините... это ваше.

Рядом с ним стояла брюнетка в темных очках. Она, смущенно улыбаясь, протягивала Виктору обычную кассету от фотоаппарата. Цилиндрик с торчащим язычком пленки и желтой наклейкой. «Двести единиц». Шорников поднял удивленный взгляд на девушку. Фотоаппарата при нем не было, да и пленку он предпочитал другой фирмы.

– Это не мое, – неуверенно ответил он.

– Ваше, ваше, – незнакомка вложила кассету в его ладонь. – Я случайно увидела, что она выпала из кармана куртки, когда вы шли через газон... Я ее нашла, но не успела вас догнать. Думала, вы уедете на этой «Газели»... Но раз вы не уехали...

– Выпала? – Шорников повертел в пальцах пленку.

– Сама видела, – подтвердила брюнетка. – Случайно.

– Спасибо, но это точно не мое, – он вернул пленку девушке. – У меня в кармане лежала смятая пачка «Петра», наверное, она и выпала. А вы решили, что это кассета. Но все равно спасибо. Вы в город?

– В Солнечную бухту...

– И это тоже случайное совпадение? – Шорников взглянул на девушку поверх очков. – Если хотите, поедем вместе. Получится дешевле.

– Хорошо, – легко согласилась девушка. – А там, в Солнечной, вам куда?

– Мне к причалу, а вам?

– Почти туда же... в новый дом, высотку...

– Прошу, – Виктор открыл перед ней дверцу такси.

Девушка была симпатичной, стройной и вообще довольно эффектной. Сделать для нее что-то хорошее, пусть и всего лишь в рамках устаревшего этикета, было приятно. Обычно Шорников не тяготел к галантности, но изредка нечто подобное в нем просыпалось. Правда, ненадолго. Усадив даму, сам он плюхнулся на переднее сиденье, а потому «светской» беседы не получилось. Развлекал пассажирку словоохотливый таксист, а Виктор всю дорогу размышлял о неожиданной проверке и кассете. Существовала ли здесь связь? Шорников чувствовал, что такое вполне возможно. Агенты искали что-то небольшое. Сначала Виктор подумал, что какие-то документы, но еще в автобусе у него возникла мысль о диске или кассете. Но как тогда к этому можно было привязать незнакомку? Действительно случайность? Какая-то слишком подозрительная вышла случайность. Ловкий трюк? Его обыскали, он вне подозрений, значит, ему можно снова доверить секретный «груз». Но это означало, что девушка говорила правду и за минуту до обыска пленка выпала из его куртки. Абсурд! Ведь не мог он не знать о содер-

жимом собственных карманов. Или мог? Тогда кто подсунил ему эту кассету и когда? В зале вылета, в самолете? Но почему ему? Какая-то бессмыслица... А это невероятное везение – улика выпала из кармана как раз перед обыском, но на виду у доброй самаритянки. И не на асфальт, а в траву – тихо и незаметно. Тоже счастливый случай? Можно предположить, что девица обманывает и никакой кассеты в кармане у Виктора изначально не было, но это все равно не объясняло, зачем она пыталась всучить загадочный цилиндрик Шорникову. Сигареты, кстати, он докурил еще перед вылетом и черную с желтым вензелем пачку выбросил в урну, когда объявили посадку. Это Виктор помнил точно. Так что если у него из кармана и выпал некий предмет, то это действительно была фотокассета. Но откуда, черт возьми, она взялась?!

Погрузившись в раздумья, Виктор не заметил, как машина подрулила к кирпичной высотке рядом с причалами и девушка вышла.

– А вам куда? – спросил таксист.

– Прямо к воротам, – очнулся Шорников, озираясь.

– Телефончик забыл взять? – ухмыльнулся водитель. – В третий подъезд она вошла. На пятом этаже живет... проболталась. Только вот с номером квартиры не подскажу.

– И на том спасибо, – Виктор натянуто улыбнулся.

– Пожалуйста, – шофер пожал плечами. – Ты бы посмелее был, все бы у вас получилось. Я ж видел, как она к тебе прицелилась.

– Что делала?

– Оценивала, – таксист рассмеялся. – Женщины обычно как смотрят? Или как на стенку, или «отвяжись», или оценивают: подойдет – не подойдет...

– Я же... вот... – Шорников продемонстрировал обручальное кольцо.

– А это им по барабану, – таксист помотал головой. – Точно говорю, присматривалась она к тебе, земляк. Или вспоминала. Других вариантов нет.

– Вспоминала? – Виктор задумался. – Вряд ли. Мы раньше не встречались. Я бы ее точно узнал.

– Тогда действуй по «вновь утвержденному плану», – хохотнул водитель. – Третий подъезд, пятый этаж.

Он остановил машину перед воротами. Виктор рассчитался и вышел на теплую набережную. Когда такси укатило, он оглянулся по сторонам и пошагал в сторону самого дальнего из десятка расположенных за воротами причалов.

От прочих он отличался тем, что все подходы к нему были огорожены забором из стальной сетки, а слева стояло необычное цилиндрическое сооружение. Нечто вроде нефтехранилища, только не из металла, а из бетона. И доступ в этот «бак» открывался не сверху, по наружной лесенке и затем через люк, а сбоку, через овальную бронированную дверь.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.